

РАБОТЫ ОДНОГО ИЗ ПИОНЕРОВ ПСИХОАНАЛИЗА – САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН¹

1. С. ШПИЛЬРЕЙН, К. ЮНГ, З. ФРЕЙД

88 лет назад, в сентябре 1907 г., К. Юнг на 1-м Международном конгрессе по психиатрии, неврологии и уходу за душевнобольными в Амстердаме представил свою статью «Фрейдистская теория истерии». Эта статья была посвящена первой пациентке, которую К.Юнг лечил при помощи психоанализа: Сабине Шпильрейн. Еще до этого он писал З.Фрейду: «Рискуя утомить Вас, все же не могу не сообщить о своем недавнем достижении. Последнее время я лечу по Вашему методу большую истерией. Это трудный случай: двадцатилетняя русская студентка, страдающая истерией в течение шести лет» [25; 7].

Имя Сабины Шпильрейн более двадцати раз упоминается в их переписке: сначала как пациентки, затем как коллеги К. Юнга. Хотя такой переход и вызывает интерес, мы немного знали бы об этой женщине, если бы не случайное обнаружение ее дневника и переписки с З.Фрейдом и К.Юнгом. Альдо Каротенуто, итальянский последователь К.Юнга, издал и прокомментировал их в своей книге «Тайная симметрия: Сабина Шпильрейн между Юнгом и Фрейдом», снабдив ее интригующим подзаголовком: «Нерассказанная история женщины, изменившей раннюю историю психоанализа» [4].

Дневник касается периода 1909 – 1912 гг.; публикация включает также 11 писем к З.Фрейду (1909 – 1914), 20 от З.Фрейда (1909 – 1923) и 18 от С.Шпильрейн к К.Юнгу (1911 – 1918); в 1986 г. стало возможным опубликовать и 34 письма от К.Юнга к С.Шпильрейн (1908 – 1919) [30].

Эти письма вводят нас в курс помимо новостей о развитии их романа того уникального влияния, которое С. Шпильрейн оказала на жизнь К. Юнга и кристаллизацию его идей, той роли, которую она играла в развитии как фрейдовского, так и юнговского психоанализа, того вклада, который она внесла в охлаждение, а позже и в отчуждение между К. Юнгом и З. Фрейдом.

В 1909 г. З.Фрейду было 53 года, К.Юнгу – 34 и С.Шпильрейн – 24. Им было не суждено войти в историю как научной триаде: работы С.Шпильрейн были забыты, З.Фрейд и К.Юнг пошли своими независимыми путями в науке. Однако это не первый случай, когда фигура, стоящая, казалось бы, на заднем плане, оказывается источником далеко идущего влияния, когда «малая история» удивительным образом отражается в истории науки.

Кем была Сабина Шпильрейн, что крылось за внешними событиями жизни этой женщины? Посвященные ей публикации и комментарии освещают ее в первую очередь в ее исторической роли посредницы, источника вдохновения, катализатора явно не в первых рядах науки; но как насчет ее личного вклада в развитие теории психоанализа? Скептики скажут на это, что, раз только книга А.Каротенуто стряхнула пыль с ее работ, вряд ли они многого стоят. И тем не менее, хотя ее статьи могут и не представлять собой непреходящей ценности, вполне возможно, что они интересны другим: теперь, увиденные в новом свете, они открывают неожиданные перспективы. Так или иначе, и книга А.Каротенуто, и комментарии к работам С.Шпильрейн уделяют удивительно мало внимания ее психологическим трудам. По большей части отклики касаются ее статьи «Die Destruktion als Ursache des Werdens» («Разрушение как

¹ Впервые: Вопросы психологии, №6, 1995, с. 66 – 78.

http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1995/956/956066.htm

причина порождения бытия»)), которая содержит идеи, предсказывающие появление концепции инстинкта смерти у З.Фрейда. А.Каротенуто говорит об этой статье в контексте развития отношений между С.Шпильрейн, К.Юнгом и З.Фрейдом, не анализируя особенно ее содержание. Лишь 5 из 214 страниц книги посвящены всей остальной работе С.Шпильрейн в психологии, отраженной в 32 публикациях. Обзоры других авторов, которые будут рассмотрены ниже, также следуют в этом, определенном книгой А.Каротенуто русле.

Настоящая статья посвящена оценке роли С.Шпильрейн на основании того, что писала она сама: публикаций, дневника, писем; еще одним весьма полезным источником является переписка З.Фрейда и К.Юнга.

Начнем мы с краткого описания жизни Сабины Шпильрейн.

2. ЕЕ ЖИЗНЬ

Сабина Шпильрейн родилась в 1885 г. в Ростове-на-Дону, в зажиточной еврейской семье. Ее отец был представителем иностранной фирмы, торговавшей в России удобрениями. Хотя ее мать получила образование дантиста, она целиком посвятила себя детям: у Сабины, старшей, было три брата – Ян, Исаак и Эмиль и сестра Эмилия. Дети получили хорошее образование, в частности знали русский, немецкий, английский и французский языки. Сабину с ранней юности отличало живое воображение [библиография работ С.Шпильрейн: 4; 57-61]. После того как в 14 лет Сабина потеряла сестру, у нее возникли проблемы со здоровьем: недержание кала, мастурбация, ночные страхи, галлюцинации, истерические припадки, депрессия. В 1904 г., девятнадцатилетней, она попала в госпиталь Бургхольцли в Цюрихе с диагнозом «истерический психоз». Ее лечил доктор Карл Густав Юнг. С.Шпильрейн пробыла в госпитале год; лечение было успешным. Она начала изучать медицину, продолжая сеансы психоанализа у К.Юнга до 1908 г. С.Шпильрейн помогала ему в ассоциативных экспериментах, и, оценив ее интеллект и способности, К.Юнг порекомендовал ей специализироваться в психиатрии. Их тесные отношения переросли в любовь, и К.Юнг, по словам А.Каротенуто, впал в состояние «психотического контр-трансфера»; Сабина стала для него «потерянным раем... поток его страсти был устремлен к Сабине, которая медленно, но несомненно выздоравливала» [4; 160].

В 1908 – 1909 гг. наряду с продолжающимися сеансами психоанализа возник роман, с которым оба они не знали, что делать; испытанное Сабиной унижение нашло подробное отражение в книге А.Каротенуто – оставленная К.Юнгом, она, в попытке улучшить ситуацию, написала З.Фрейду, чьи отношения с К.Юнгом в этот период были наиболее тесными и который поддерживал К.Юнга «как коллега коллегу». Скоро З.Фрейд понял, что происходит, и весьма вероятно, что его огорчение неискренними и лживыми письмами К.Юнга послужило одной из причин их разрыва в 1913 г. Но еще до этого К.Юнг писал З.Фрейду о своей роли в происходящем: «Учитывая тот факт, что пациентка еще недавно была моим другом и пользовалась моим полным доверием, мое поведение нельзя назвать иначе, как мошенничеством, в чем я очень неохотно признаюсь вам, моему отцу» [25; 236]. В 1911 г. С. Шпильрейн закончила свое медицинское образование и защитила диссертацию под названием «О психологическом содержании случая шизофрении – dementia praecox». С октября 1911 по март 1912 г. она жила в Вене, где еще более сблизилась с З. Фрейдом и его окружением. Переписка С. Шпильрейн с К. Юнгом продолжалась до 1920-х гг. В 1912 г. была опубликована ее работа «Разрушение как причина порождения бытия».

В 1913 г. Сабина Шпильрейн вышла замуж за врача П.Шефтеля, и в этом же году родилась их дочь Рената. Еще несколько лет С.Шпильрейн работала в Берлине и Мюнхене, в начале 1920-х гг. – в Лозанне и Женеве, а в 1923 г. вернулась в Россию с целью пропаганды психоанализа. В 1925 г. родилась ее вторая дочь Ева. Все три брата Сабины были выдающимися учеными и занимали видное место в русской науке: Ян был математиком, Исаак – психологом и Эмиль – биологом; все они погибли в сталинских лагерях в 30-е годы.

Психоанализ был запрещен Сталиным в 1936 г., однако имя С.Шпильрейн в 1937 г. еще числилось в списке русских психоаналитиков. Предполагается, что она погибла в результате одной из сталинских чисток. В 1983 г. появились сведения о том, что она была расстреляна немецкими фашистами в 1941 г. [24]. Лишь совсем недавно ее родные выяснили, что она погибла в июне или июле 1942 г.

Столь беглый обзор не может, конечно, полностью осветить драматические события, эмоции и сложность отношений главных героев.

3. ТРУДЫ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН

«Разрушение как причина порождения бытия», название самой известной работы С.Шпильрейн, может послужить девизом ее жизни: многое должно было быть разрушено, чтобы дать возможность расцвести ее творчеству. Эта идея встречается еще в ее детских фантазиях, она находит отражение в ее интересе к философии и в ее ранних работах, посвященных телеологическому потенциалу психоанализа, герменевтике, мифологии; она также прослеживается в коротких публикациях, посвященных наблюдениям за детьми – их представлениям о жизни и смерти, сознательном и бессознательном, сексуальности, амбивалентности, противоборствующим силам.

26 ноября 1910 г. С. Шпильрейн записала в своем дневнике: «Да, первая цель, которой я хочу достичь, – сделать свою диссертацию столь хорошей, чтобы она обеспечила мне членство в Психоаналитическом обществе. Но гораздо важнее для меня мое второе исследование – "Об инстинкте смерти"».

В своей первой работе, «О психологическом содержании случая шизофрении – dementia graecorum», С.Шпильрейн обсуждает материал, полученный в результате бесед с интеллигентной женщиной, страдавшей паранойей. Хотя, казалось бы, слова пациентки были бессмысленны, С.Шпильрейн применила очень необычный для того времени подход: она проанализировала высказывания больной; ей удалось продемонстрировать параллелизм между мыслительными процессами при шизофрении и паттернами идей, лежащими в основе мифологии (это было, конечно, в значительной мере отражением взглядов К. Юнга).

Следует отметить, что в снах и бреде больной часто фигурировал «доктор Ю.» – сам К.Юнг, который в это время исследовал влияние сексуальности и применял результаты исследования на практике в лечении данной пациентки и который представлялся ей едва ли не Иисусом Христом. Слово «поэзия» – часто произносившееся пациенткой стало паролем для С.Шпильрейн и К. Юнга применительно к их роману.

К.Юнг писал С.Шпильрейн в сентябре 1911 г.: «Я позволю себе откровенно дать Вам совет, поскольку после долгих размышлений мне удалось изгнать из своего сердца всю горечь по отношению к Вам. Конечно, она не имеет никакого отношения к опубликованной Вами диссертации, а лишь отражает те страдания, которые я пережил из-за Вас и которые Вы пережили из-за меня... Фрейд, конечно, примет Вас в свой круг. Он несколько раз упоминал Вашу диссертацию (на конгрессе в Веймаре в сентябре 1911 г. – А. В.) – доказательство того, что Вы произвели на него впечатление... Обратитесь к нему как к великому учителю и рабби, и все будет хорошо» [25; 182].

В это время С.Шпильрейн как раз направлялась в Вену, где должна была 29 ноября делать доклад по своей работе «Разрушение как причина порождения бытия». В своем дневнике она признается (запись от 26 ноября 1911 г.): «Я очень опасаюсь, что мой друг, который намеревался упомянуть мою идею в своей статье, опубликованной в июле, и признать мой приоритет, может просто присвоить идею, поскольку теперь он собирается говорить о ней, как о возникшей еще в январе. Может быть, это просто необоснованная недоверчивость с моей стороны? Я так хотела бы, чтобы дело оказалось именно в этом – ведь мое второе исследование должно быть посвящено ему, моему уважаемому учителю. Но как могу я уважать человека, который лгал мне, который украл мою идею, который оказался мне не другом, а мелочным

корыстолюбивым соперником? Как могу я любить его? Ведь я люблю его, несмотря ни на что. Вся моя работа пронизана этой любовью. Я люблю его и одновременно ненавижу, потому что он мне не принадлежит. Было бы невыносимо оказаться в его глазах простофилей. Нет, я хочу быть благородной, гордой, всеми уважаемой! Я должна быть достойна его, и идея, которой я дала жизнь, должна появиться под моим именем» [30; 35].

В марте 1912 г. К. Юнг писал ей: «Исследование превосходно и содержит замечательные идеи, и я счастлив признать Ваш приоритет» [25; 183]. Однако неделей позже в письме к З. Фрейдю он придерживается совершенно иного тона: «Как раз перед своим отъездом я работал со статьей Шпильрейн. Должен сказать: "Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы"». ¹ После весьма многообещающего начала следует беспомощное завершение: «...Она слишком мало читала... Кроме того, ее статья ужасно перегружена ее собственными комплексами» [25; 498].

Поскольку речь идет о наиболее значительной статье С.Шпильрейн, имеющей столь важное значение для нашего представления о ней, рассмотрим эту работу подробнее. Тридцативосьмистраничная статья начинается так: «Изучая сексуальные проблемы, я была особенно заинтересована следующим вопросом: почему этот сильнейший инстинкт, инстинкт сохранения рода, возбуждает, наряду с положительными эмоциями, которых естественно ожидать, и отрицательные – страх и отвращение; почему требуется их преодоление для того, чтобы вести себя соответственно ситуации... Многие исследователи неоднократно отмечали, что с сексуальными желаниями часто оказывается связано представление о смерти». Далее С.Шпильрейн пишет: «Из своего опыта работы с девушками я знаю, что страх обычно выходит на передний план, когда в первый раз появляется возможность удовлетворения подавленных сексуальных желаний. Это весьма специфический страх: девушка видит врага в самой себе, ее собственная страстная любовь заставляет ее делать то, чего она не хочет; возникает ощущение конца, собственной смертности, от которых безуспешно стремишься бежать» [библиография работ С. Шпильрейн: 2; 465 – 466].

В заключении статьи говорится: «Думаю, что приведенные мной примеры достаточно ясно демонстрируют, в соответствии с биологическими фактами, наличие двух антагонистических психологических составляющих инстинкта продолжения рода: инстинкта разрушения и инстинкта созидания». Действительно, для простейших организмов создание новой жизни означает саморазрушение. У более высокоорганизованных животных перестают существовать как таковые, сливаясь, половые клетки, несущие в себе в закодированном виде информацию о целом организме. Половой акт представляет собой мимолетное слияние двух индивидов, сопровождаемое разрушением старой структуры и возникновением новой. С.Шпильрейн описывает взаимосвязь внутри личности деструктивных и конструктивных сил: каждой новой психологической ситуации предшествует разрушение ранее существовавшего равновесия. Она утверждает существование связи между образами смерти и рождения, между инстинктами смерти и продолжения рода, между утверждением себя и стремлением раствориться в большей целостности. С.Шпильрейн подчеркивает антагонизм между Эго индивида и Эго вида, связанный с противоречием между стремлением к самосохранению и стремлением к сохранению вида. Она прослеживает садомазохизм и амбивалентность любви-ненависти к их первоисточнику: деструктивному компоненту инстинкта продолжения рода. Приводя примеры фантазий на темы смерти, символизирующих половой акт, С.Шпильрейн развивает свою основополагающую идею: разрушение ведет к порождению бытия. Эта же тема может быть прослежена в мифологии, в типичной детской уверенности, будто старики, умирая, вновь превращаются в детей, в вере в переселение душ и воскресение.

Мы не можем не согласиться с А.Каротенуто, когда он пишет: «Любая психологическая теория, независимо от ее научной ценности, определенным образом отражает личную озабоченность автора». С.Шпильрейн не только описывала, она впитывала то, о чем писала.

¹ Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова. (Примеч. пер.)

По крайней мере, два периода «разрушения» могут быть выделены в ее жизни: госпитализация, сделавшаяся необходимой из-за усиления эмоциональных проблем, и окончание ее романа с К.Юнгом. Последнее было связано с ее внутренней борьбой за сохранение доверия к людям, к «интернализованному объекту».

Начало статьи в значительной мере перекликается с обстоятельствами собственной жизни С.Шпильрейн: она оглядывается назад, чтобы, рассматривая события в перспективе, заново удивиться, попытаться найти ответ, попытаться понять. За отношениями психотического трансфера она чувствует напряжение страсти и желания, стремится к слиянию и испытывает страх разрушения гораздо более всеобъемлющий, чем это было бы возможно при «обычных» взаимоотношениях; эти чувства могут разрушить личность или, если удастся упорядочить их в какую-то систему для этого нужны талант и сила С.Шпильрейн, привести к пониманию общих закономерностей.

Можно ли упоминание К.Юнгом, «последователя, ставшего самым опасным из врагов», рассматривать как прелюдию к противостоянию с З.Фрейдом, которого в 1908 г. он просил «позволить наслаждаться дружбой с ним не как дружбой равных, а как отношениями отца и сына» [25; 122] и о котором в 1913 г., когда тучи уже начали сгущаться, писал С.Шпильрейн: «Я хочу быть его другом но на равных, в то время как он стремится поучать меня как сына» [25; 184]?

Когда на основании «своего опыта работы с девушками» С. Шпильрейн описывает пламенную любовь и ее непреодолимую власть, мы можем заключить, что, в соответствии с традициями психологии, она имеет в виду самый легко наблюдаемый объект самое себя. В том же 1912 г. она публикует свою работу «Некоторые подходы к пониманию разума ребенка», где откровенно говорит о себе как объекте анализа.

Как была ее статья принята научным сообществом?

С октября 1911 по март 1912 г. С.Шпильрейн оставалась в Вене и принимала участие в еженедельных вечерних заседаниях Психоаналитического общества. В своем письме К. Юнгу З.Фрейд сообщает, что она впервые выступила на последнем из них: «она произвела впечатление очень разумной и методичной» [25; 458].

29 ноября 1911 г. С.Шпильрейн выступила перед членами общества с лекцией «О трансформации», посвященной своим идеям об инстинкте разрушения. За лекцией последовала оживленная дискуссия. Читая «Протоколы» [26], нельзя не поразиться тому, как эрудированы были присутствовавшие, с какой легкостью цитировали они произведения мировой литературы, как ориентировались в мифологии. Трудно удержаться от того, чтобы не привести некоторые комментарии З.Фрейда: «Настоящее сообщение предоставляет возможность для критики в адрес Юнга, поскольку и он в своих недавних исследованиях также использует любой мифологический материал как и докладчик, без всякого отбора. Однако материалы такого рода могут использоваться подобным образом только будучи представленными в своей оригинальной форме, а не в виде производных: иначе они бесполезны для решения стоящих перед нами проблем. Исходные данные нуждаются в прояснении с точки зрения психоанализа» [26; 335]. Таким образом, через С.Шпильрейн он наносит удар К.Юнгу, фактически ставя его вне «настоящего» психоанализа; трудно также не заметить, что сама С.Шпильрейн и ее идеи принимаются пока еще не очень всерьез. Согласно Дж.Керру [22], отношения между З.Фрейдом и К.Юнгом к этому времени стали уже такими напряженными из-за расхождений во взглядах на теорию либидо, что З.Фрейд просто использовал лекцию С.Шпильрейн как возможность атаковать методологические установки противника.

З.Фрейд описал лекцию, последовавшую дискуссии и свою критику в письме К.Юнгу от 30 ноября 1911 г., добавив о С.Шпильрейн: «Она очень мила, и я начинаю понимать» [25; 469]. Позже, в письме от 21 марта 1912 г., он высказал свою оценку статьи С.Шпильрейн: «Что касается статьи Шпильрейн, я знаком только с одним ее разделом, который она читала на Обществе. Шпильрейн весьма неглупа, все, что она говорит, не лишено смысла. Однако ее идея о стремлении к разрушению мне не особенно нравится, поскольку я считаю, что это определяется личностью. Она представляется мне чрезмерно амбивалентной» [25; 494].

П.Федерн опубликовал рецензию на статью в «Internationale Zeitschrift» в 1913 г. Хотя этот отклик и содержит некоторую критику, общий тон его положителен, в адрес тонкого анализа автором переплетения чувств высказана похвала. Однако ему представляется сомнительным утверждение о противостоянии Эго вида и Эго индивида. Хотя термин Эго вида не прижился, идеи, стоящие за этим понятием, просматриваются, хотя и в иной форме, в концепции коллективного бессознательного, которую К.Юнгу еще предстояло создать.

Инстинкт разрушения временно был отложен в сторону З.Фрейдом и его последователями. В то время они предпочитали говорить о сексуальных инстинктах как противостоящих тем инстинктам, цель которых самосохранение индивида, «Ich Triebe». З.Фрейд не вводил понятие инстинкта смерти («Todestrieb») до 1920 г. В своей статье «За порогом принципа удовольствия» [14] он процитировал С. Шпильрейн в примечании: «Значительная часть этих рассуждений была предвосхищена Сабиной Шпильрейн в 1912 г. в любопытной и полезной статье, которая, однако, осталась не вполне для меня понятной» [14; 55].

Впоследствии к протоколу заседания 29 ноября 1911 г. добавилось любопытное примечание: «На первый взгляд может показаться, что, под влиянием Юнга, доктор Шпильрейн сформулировала, за много лет до Фрейда, гипотезу о том, что инстинктивная жизнь состоит из двух противоположных устремлений инстинкта жизни и инстинкта смерти. Более внимательное рассмотрение, однако, показывает, что она вовсе не развивала эту теорию: скорее можно говорить о том, что она считает сексуальный инстинкт то есть инстинкт жизни, инстинкт продолжения рода включающим в себя деструктивный элемент» [26; 330].

Тогда, как и теперь, ученые расходились во мнениях. М.Катан цитирует З.Фрейда: «Я помню свое настороженное отношение, когда идея существования инстинкта разрушения впервые стала высказываться в психоаналитической литературе, и помню, как много времени понадобилось, чтобы эта идея стала для меня приемлемой». По мнению М.Катана [21], это замечание З.Фрейда прямо указывает на статью С.Шпильрейн. М.Роберт пишет, что «концепция инстинкта смерти предвосхищается, почти что в деталях» [28; 330 332] в публикации С.Шпильрейн, и такого же мнения придерживается А.Каротенуто [4; 192]. Дж. Керр [22] в своем интересном исследовании подробно останавливается на развитии концепции инстинкта смерти и на связи публикаций С.Шпильрейн [библиография работ С.Шпильрейн: 2], К.Юнга [19] и З.Фрейда [14]. По мнению Дж.Керра, хотя в статье С.Шпильрейн рассматриваются темы смерти и разрушения, в ней не рассматривается теория инстинкта смерти. Он приходит к выводу, основываясь на различиях в подходах, что «они оба и Юнг, и Шпильрейн, хотя и разными путями приходят к выводу о внутренней амбивалентности сексуальности, о диалектическом включении в нее смерти. З.Фрейда иначе: феномены смерти и разрушения имеют собственный статус, они в первую очередь проявления инстинкта смерти и совсем не связаны с либидо» [22; 52].

Развитию идеи инстинкта смерти посвящено множество работ. Хотя сам З.Фрейд придерживался этих взглядов до конца жизни, концепция инстинкта смерти никогда не была принята его последователями так, как были приняты другие его концепции, и данная идея по сей день остается одним из наиболее противоречивых положений психоанализа.

Проблемам развития мышления и речи, в смысле как грамматики, так и содержания, посвящены работы С.Шпильрейн «Некоторые аналогии между мышлением ребенка, мышлением страдающего афазией и подсознанием» [библиография работ С.Шпильрейн: 29] и «Течение времени в бессознательном» [библиография работ С.Шпильрейн: 31]. Благодаря своему происхождению и воспитанию С.Шпильрейн могла сравнивать русский, немецкий, французский и английский языки. В те три года, что она жила в Лозанне и Женеве, С.Шпильрейн тесно сотрудничала с известным лингвистом профессором Ш.Балли, который, по мнению А.Каротенуто, предвосхитил развитие ее психоаналитических интересов. Кроме того, многие наблюдения С.Шпильрейн связаны с ее дочерью: в этот период С.Шпильрейн интересовали проблемы развития представлений ребенка о пространстве, времени и

причинности. В 1921 г. пациентом психоаналитика С.Шпильрейн становится Жан Пиаже, разделяющий эти интересы; с детьми последнего мы знакомимся благодаря его работам.

В статье «Три вопроса» [библиография работ С.Шпильрейн: 27] описан эксперимент, проведенный со студентами «Института Руссо» по определению границ между сознательным и бессознательным. участникам эксперимента предлагалось представить себе, что они могут задать три наиболее интересующих их вопроса Богу, судьбе или той инстанции, которую они считали выполняющей соответствующие функции; были позволительны любые вопросы, касающиеся прошлого, настоящего и будущего; предполагалось, что на любой вопрос будет получен ответ. Через неделю эксперимент был повторен, но перед его проведением студенты должны были две минуты просидеть с закрытыми глазами. В первой серии наиболее частыми оказались экзистенциальные, философские, этические вопросы, зачастую обращенные в будущее. Вторая серия состояла преимущественно из весьма конкретных, «эгоцентрических» вопросов, менее зависимых от сознания и социально адаптированного мышления. С.Шпильрейн вернулась в Россию в 1923 г. В ее последней работе, опубликованной в 1931 г., «Детские рисунки с открытыми и закрытыми глазами» [библиография работ С.Шпильрейн: 33] проявляется интерес к тем же проблемам, но с несколько иной стороны. Испытуемые, дети и взрослые, должны были нарисовать человека; они были разбиты на две группы и им были даны различные инструкции: рисовать с открытыми глазами и рисовать с закрытыми глазами. С.Шпильрейн предположила, что зрительно-галлюцинаторные представления в отличие от абстрактно-логического мышления имеют корни в кинестетическом опыте: это более отчетливо проявляется в рисунках маленьких детей и в рисунках старших детей и взрослых, рисовавших с закрытыми глазами. Когда глаза закрыты, человек оказывается ближе к глубинному телесному ощущению положения в пространстве и движения, оказывается более чувствительным к эмоциональным переменам; таким образом, личность легче себя выражает. Одновременно было отмечено, что рисунки, выполненные таким образом, гораздо более примитивны.

Значение трудов С. Шпильрейн определяется не только теми аспектами детского психоанализа, которые отражены в ее статьях, но и тем фактом, что с 1924 г. в Москве появился соответствующий семинар, которым она руководила и который привлек тридцать участников [7]. Подобный семинар Анны Фрейд в Вене появился только три года спустя. В 1921 г. в Москве открылся детский дом, возглавлявшийся Верой Шмидт, работа с детьми в котором велась на принципах психоанализа, по сведениям А.Каротенуто, первый в мире.

В 1911 г. во время кратковременного приезда на родину С. Шпильрейн прочитала свою первую лекцию по психоанализу в Ростове-на-Дону.

А.Каротенуто приводит слова госпожи Лампл де Гроот, которая снабдила его некоторыми сведениями о жизни С. Шпильрейн после 1923 г.: «Насколько мне известно, в России она основала приют для детей, в надежде, что им будет лучше жить в коммуне, чем в родительских семьях. Это означает, что она руководствовалась при этом идеалистическими представлениями советской идеологии. Мне неизвестно, в каком возрасте она умерла, но в тридцатых годах до меня доходили слухи, что она очень разочарована тем, что психоанализ запрещен, а ее детский дом закрыт» [4; 207].

В 1921 г. М.В. Вульф и И.Д. Ермаков основали в Москве Русское психоаналитическое общество; в 1922 г. был создан Государственный психоаналитический институт. По сведениям представителей следующего поколения семьи Шпильрейн, С. Шпильрейн работала в нем с 1923 по 1925 г.г., когда институт был закрыт. С. Шпильрейн некоторое время жила в Московском Доме ученых, прежде чем вернулась в Ростов-на-Дону; там она поселилась рядом со своим отцом и стала работать в детской поликлинике. Обе ее дочери, Рената и Ева, были очень одарены музыкально: Рената играла на виолончели, Ева на скрипке. Муж Сабины Шпильрейн, Поль Шефтель, скоропостижно скончался в 1937 г. Сама Сабина Шпильрейн, по свидетельствам ее друзей, до конца производила впечатление высокообразованной женщины, упорно придерживавшейся тех взглядов, которые она считала правильными; держалась она очень скромно, ее финансовые обстоятельства были очень стесненными.

Сабина Шпильрейн не могла поверить в то, что немецкое государство, высококультурный народ, среди которого она жила, оказались во власти преступного фашистского режима, поставившего цель уничтожения евреев. Никто не был в силах убедить ее, что необходимо покинуть Ростовна-Дону. Захватив город в 1941 г., немцы не тронули С. Шпильрейн и ее семью. Однако при повторной оккупации в 1942 г. С. Шпильрейн была убита вместе с дочерью Ренатой и, возможно, Евой (есть слухи, что Еве удалось спастись и покинуть Россию).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каково значение С.Шпильрейн для психоанализа, какое место в его развитии следует ей отвести? История отодвинула ее в тень, сделала ее работы лишь иллюстрацией трудов К.Юнга и З.Фрейда; голос самой С.Шпильрейн услышать трудно. То положение, которое она занимала, говорит о ее необыкновенной способности к эмпатии, о том, что, по ее словам, она «чувствовала желания и страхи других как свои собственные». Хотя через все ее работы проходит тема дуализма, действия и противодействия, всю свою жизнь она стремилась к целостности.

По мнению историка П.Хоманса [16], А.Каротенуто переоценивает С.Шпильрейн. Однако последний считает ее значительной, вызывающей симпатию, трагической и смелой личностью, заслуживающей положения в науке, которое ей до сих пор не принадлежит; лишь тщательное изучение трудов С.Шпильрейн может разрешить эту проблему.

Б.Беттелхейм [1] занимает в этом вопросе более определенную позицию: он считает ее не только блестящим ученым и обладающей высочайшей чувствительностью женщиной, но и личностью, проявившей необыкновенную психологическую интуицию. Б.Беттелхейм уделяет большое внимание ее взаимоотношениям с К.Юнгом и ее роли в их совместной работе. Он подчеркивает: как бы мы ни расценивали поведение К.Юнга в отношении С.Шпильрейн, не следует забывать, что он вылечил ее от заболевания, по поводу которого она к нему обратилась.

К.Юнг был учителем, показавшим ей наиболее перспективный для нее путь; благодаря З.Фрейду она нашла свое истинное призвание. Что можно добавить к этому? Мы можем искать истоки ее работы в содержании ее статей, в событиях ее жизни, в современном ей уровне развития «психоаналитического движения». Остановимся более подробно на двух последних моментах. С. Шпильрейн пережила юношеский кризис, истерический психоз, частично связанный со смертью ее сестры. Начало ее работы в области психоанализа знаменательно. Его двойственность была, несомненно, отрицательным фактором. Изначально С.Шпильрейн принадлежала к «юнгианскому лагерю», чему способствовали ее личные взаимоотношения с К.Юнгом; позднее она присоединилась к окружению З. Фрейда, не порвав, однако, связей с К.Юнгом. Это, несомненно, было вполне достаточной причиной для того, чтобы оба лагеря относились к ней настороженно. С.Шпильрейн сохраняла определенную отстраненность от «Die Sache», она никогда подолгу не оставалась в известных центрах психоанализа. Непосредственно перед и во время ее пребывания в Вене в окружении З.Фрейда возникло напряжение, приведшее вскоре к его расколу: разрыву З.Фрейда с А.Адлером и Штекелем и постепенному охлаждению отношений с К.Юнгом. Для З.Фрейда С.Шпильрейн была постоянным напоминанием о К.Юнге, о разочаровании в нем и о той двусмысленной и неловкой роли, которую З.Фрейд сыграл в завершении ее романа с К.Юнгом.

Дж.Кремериус в своей статье «Сабина Шпильрейн: ранняя жертва сплоченности рядов психоанализа» [6] обращает внимание на то, каким образом З.Фрейд позволил К.Юнгу сделать себя «соучастником» в сокрытии правды. Причина этого кроется в том, что З.Фрейд смотрел на К.Юнга как на своего преемника. Хотя Дж. Кремериус подробно не анализирует работы С.Шпильрейн, он отмечает, что ее диссертация и статьи могут быть отнесены к фундаментальным психоаналитическим трудам; однако, несмотря на всю их важность, автор оказался практически преданным забвению: «Тот факт, что ее статьи оказались забыты, показывает влияние защитного механизма проекции З.Фрейда и К.Юнга на все психоаналитическое сообщество, как тогда, так и теперь» [6].

Следует отметить, что явная юнгианская атмосфера, исходившая от «Разрушения как причины порождения бытия», делала статью подозрительной с точки зрения Вены. Во времена, когда новые теоретические разработки рассматривались как отступничество, содержащиеся в ней идеи вполне могли рассматриваться как новая угроза. З.Фрейд позднее признал вклад С.Шпильрейн в развитие концепции инстинкта смерти, хотя и ограничился для этого всего лишь примечанием к собственной статье; другие авторы старались и вовсе предать забвению ее роль. Ранние работы С.Шпильрейн в области детского психоанализа не были столь заметны, как труды Э. Хуг-Хеллмут (последние тоже «выпали» из истории детского психоанализа, хотя и по другим причинам: см. [2]), они скорее посвящены эмоциям ребенка, а не специфической психоаналитической технике.

Скорее всего невозможно, погружившись в жизнь человека, избежать предвзятого (в положительном смысле) к нему отношения; однако и по другим причинам нам трудно оценить истинную ценность, которую имели психоаналитические публикации в момент их появления. Не исключено, что с Сабиной Шпильрейн было не так уж легко иметь дело, но она была лояльна, добросовестна и оригинальна в своей работе. Ее имя не принадлежит к великим, но нельзя не признать, что ранние работы С. Шпильрейн влились в живой поток теории и привели к образованию массива психоаналитических знаний.

С.Шпильрейн принадлежат новые идеи об инстинктивной жизни, о развитии ребенка, о детском психоанализе, о женской психике; продуктивной была и ее деятельность по организации исследовательских учреждений. Ее отличала ненасытная любознательность, стремление разделить с другими свои находки. Темы любви, разрушения и созидания проходят через ее работу и ее жизнь. Разнообразие ее научных партнеров К.Юнг, З.Фрейд, Ж.Пиаже и широта психоаналитических, лингвистических и нейропсихологических интересов показывают ее как многогранного и своеобразного первопроходца в науке.

До сих пор Сабине Шпильрейн не уделялось того внимания, которое она заслуживает.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН

1. Uber den psychologischen Inhalt eines Falles van Schizophrenie Dementia [О психологическом содержании случая шизофрении старческого маразма] // Jb. fiir psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1911. III. S. 329 – 400.
2. Die Destruktion als Ursache des Werdens [Разрушение как причина порождения бытия] // Jb. fiir psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. S. 465 – 503.
3. Vber Transformation [О трансформации] (Voordracht Internationale Psychoanalytische Vereniging Wenen) // Zentr.-B1. fiir Psychoanalyse und Psychotherapie. 1912. II. S. 478.
4. Beitrage zur Kenntnis der kindlichen Seele [Дополнения к пониманию детской психики] // Zentr.-B1. fiir Psychoanalyse und Psychotherapie. 1912. II. S. 57 – 72.
5. Mutterliebe [Материнская любовь] // Imago. 1913. II. S. 523 – 524.
6. Selbstbefriedigung in Fussymbolik [Маструбация в символизме ног] // Zentr.-B1. fiir Psychoanalyse und Psychotherapie. 1913. III. S. 263.
7. Das unbewusste Traumen in Kuprins «Zweikampf» [Неосознанные мечтания в «Поединке» Куприна] // Imago. 1913. II. S. 524 – 525.
8. Traum von «Pater Freudenreich» [Сон о «Патере Фрейденрейхе»] // Intern. Ztschr. fiir Artzliche Psychoanalyso. 1913. I. S. 484 – 486.

9. Die Schwiegermutter [Свекровь] // Imago. 1913. II. S. 589 – 592.
10. Zwei Mensesträume [Два сна, связанных с менструацией] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1914. II. S. 32 – 34.
11. Tiersymbolik und Phobie bei einem Knaben [Животный символизм и фобия у мальчика] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1914. II. S. 375 – 377.
12. Die vergessene Name [Забытое имя] // Internationale Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1914.II. S. 383 – 384.
13. Ein unbewusster Richterspruch [бессознательная фраза] //Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1915. III. S. 350.
14. Die Ausserungen des Odipuskomplexes im Kindesalter [Проявления Эдипова комплекса в детстве] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1916. IV. S. 44 – 48.
15. Renatchens Menschenentstehungstheorie [Теория Ренаты о происхождении человека] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 155 – 157.
16. Das Schamgefühl bei Kindern [Чувство стыда у детей] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 157 – 158.
17. Das schwache Wieb [Слабая женщина] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. IV. S. 158.
18. Verdrangte Munderotic [Подавленная оральная эротика] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 361 – 362.
19. Zur Frage der Entstehung und Entwicklung der Lautsprache [К вопросу происхождения и развития речи] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 401.
20. Russische Literatur, Bericht iiber die Fortschritte der Psychoanalise 1914 1919 [Русская литература по психоанализу за 1914 – 1919 гг.]. Leipzig; Wien; Zurich, 1921.
21. Schnellanalyse einer kindlichen Phobie [Краткий анализ детских фобий] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1921. VII. S. 473 – 474.
22. Briefmarkentraum [Сон о почтовой марке] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalise. 1922. VIII. S. 342 – 343.
23. Die Entstehung der kindlichen Worte Papa und Mama [Происхождени детских слов «папа» и «мама»] // Imago. 1922. VIII. S. 345 – 367.
24. Schweiz [Швейцария] // Intern.Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1922.VIII. S. 234 – 235.
25. L'automobile symbole de la puissance male [Автомобиль – символ мужской силы] // Intern. J. of Psychoanalysis. 1923. IV. P. 128.
26. Reve et vision des etoiles filantes [Сон и видение падающих звезд] // Intern. J. of Psychoanalysis. 1923. IU. P. 129 – 132.

27. Die drei Fragen [Три вопроса] //Imago. 1923. IX. S. 260 – 263.
 28. Ein Zuschauertypus [Тип наблюдателя] // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1923. IX. S. 210 – 211.
 29. Quelques analogies entre la pensee de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensee subconsciente [Некоторые аналогии между мышлением ребенка, мышлением страдающего афазией и подсознанием] // Arch. de psychologie. 1923. XVIII. P. 305 – 322.
 30. Einege kleine Mitteilungen aus dem Kinderleben [Некоторые детали из жизни ребенка] // Ztschr. für Psychoanalytische Padagogik. 1923. II. S. 95 – 99.
 31. Die Zeit im unterschwelligem Seelenleben [Течение времени в бессознательном] // Imago. 1923. IX. S. 300 – 317.
 32. Реферат по психоанализу // Труды 1-го совещания психиатров и невропатологов Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1929.
 33. Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen [Детские рисунки с открытыми и закрытыми глазами] // Imago. 1931. XVI. S. 259 – 291.
-

1. Bettelheim B. Scandal in the family // New York Rev. on Books. 30.06.1983.
2. Brinkgreve C., hfooy A., Waning A. van. Hermine Hug-Hellmuth and Sabina Spielrein: Suppressed pioneers of psychoanalysis? // Ztschr. für Psychoanal. Theorie u. Praxis. 1990. N 5. S. 336 – 354.
3. Brinkmann E., Bose G. (eds.) Sabina Spielrein. Ausgewahlte Schriften. Berlin: Brinkmann 8r, Bose, 1986.
4. Carotenuto A. A secret symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. N.-Y.: Pantheon Books, 1982.
5. Carotenuto A. Kant's dove, the history of transference in psychoanalysis. Wilmette gl.): Chiron, 1991.
6. Cremerius L Sabina Spielrein ein friihes Opfer der psychoanalytischen Berufspolitik // Forum der Psychoanalyse. 1987. N 3. S. 127 – 142.
7. Dyer R. Her father's daughter The work of Anna Freud. N. Y.; L.: Jason Aronson, 1983.
8. Federn P. Um «Die Destruktion als Ursache des Werdens», Sabina Spielrein // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1913. N I. S. 89 – 93.
9. Freud S. Fragments of the analysis of hysteria (1905).
10. Freud S. Analysis of a phobia in a five-year-old boy little Hans (1909).
11. Freud S. The dynamics of transference (1912).

12. Freud S. On the history of the psychoanalytic movement (1914).
13. Freud S. Remakes on transference love (1914).
14. Freud S. Beyond the pleasure principle (1920).
15. Freud S. Civilization and its discontents (1930).
16. Homans P. Book review on "Secret symmetry, Sabina Spielrein between Jung and Freud" Aldo Carotenuto // J. History of Behav. Sci. 1983. N 19. P. 240 – 244.
17. Jung C.G. The Freudian theory of hysteria (1907). C.W.4.
18. Jung C.G. Psychic conflicts in a child (1910). C.W.17.
19. Jung C.G. Transformations and symbols of the libido (1911, 1912). P. 1, 2. N. Y.: Dodd, Mead and Col, 1947.
20. Jung C.G. The psychology of transference (1946). C.W.16 (2nd ed.).
21. Katan M. Precursors of the concept of the death instinct / R.M. Loewenstein (ed.) // Psychoanalysis: a general psychology. N. Y.: Intern. Univ. Press, 1966. P. 86 – 103.
22. Kerr J. Beyond the "pleasure principle" and back again: Freud, Jung, and Sabina Spielrein / P.E. Stepansky (ed.) Freud appraisals and reappraisals. V. 3. P. 3 – 79.
23. Laplanche J., Pontalis J.B. The language of psychoanalysis. L.: Hogarth Press, 1980.
24. Ljunggreen N. Sabina mellan Jung och Freud // Expressen. Stockholm. 15.07.1983.
25. McGuire W. (ed.) The Freud Jung letters. L.: Hogarth Press, 1974.
26. Nunberg H., Federn P. (eds.) Minutes of the Vienna Psychological Society. 4 vol. N. Y.: Intern. Univ. Press, 1962 1975.
27. Raphaell-Leg J. Book review on «A secret symmetry, Sabine Spielrein between Jung and Freud» Aldo Carotenuto // Intern. Rev. Psychoanalysis. 1983. N 10. P. 241 – 242.
28. Robert hf. The psychoanalytic revolution. N. Y.: Hatcourt, Brace 8c World, 1966.
29. Segal H. Introduction to the work of Melanie Klein. L.: The Hogarth Press, 1973.
30. Spielrein S. TagebOcher, Briefe und Schriften. B. 1, 2. Freiburg: Kore, Verlag Traute Hensch, 1986, 1987.

Вопросы психологии, 1995 №6.
 Поступила в редакцию 10.X.1994 г.
 Перевод с английского А.В.Александровой.

Русские наименования работ С.Н.Шпильрейн приводятся в редакции А.В.Александровой.